

РУССКИЕ ПРИНЦЕССЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
АВГУСТЕЙШИХ
ОСОБ

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Елена Владимировна Первушина
Русские принцессы за
границей. Воспоминания
августейших особ
Серия «Как жили
женщины разных эпох»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24434452

Русские принцессы за границей. Воспоминания августейших особ / Е.В.

Щукина.: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906947-72-7

Аннотация

Быть принцессой далеко не так просто. Их судьбы всегда удивляют и заставляют сопереживать. С начала XVIII века царские дочери были самым драгоценным дипломатическим «товаром». Они рождены были служить двум государствам: своей родине, о которой они никогда не должны были забывать, и той стране, в которой им предстояло жить. В книгу вошли воспоминания и дневниковые записи дочерей Петра Великого, Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. Для большинства «принцесс Романовых» жизненное кредо состояло

в исполнении своего долга и смирении. Они находили счастье в служении своей новой стране и покинутой отчизне. Меньше было тех, кто осмеливался бунтовать, любить и выстраивать жизнь согласно собственным желаниям. Впрочем, на страницах книги вы встретите и таких дерзких особ.

Содержание

Часть I	5
Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца	10
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Русские принцессы за
границей. Воспоминания
августейших особ
Автор-составитель Елена
Владимировна Щукина**

Часть I

**Анна Петровна и герцог Карл
Фридрих Гольштейн-Готторпский.
Заложники политических игр**

Русские царевны допетровских времен были теремными затворницами. Выдать за кого-то из бояр, пусть даже самых знатных и близких к трону было бы чудовищным мезальян-

сом. Если византийцы иногда отдавали своих багрянородных принцесс за варварских королей, если Ярослав Мудрый выдал свою дочь Анну за короля Франции, то для русских XVII века отдать православную царевну за «латынянина» или даже за греческого царя или сербского князя было немыслимо. Бедняжки так и проживали всю свою молодость в отцовских теремах, не показываясь даже своему народу, а после коронации их брата их постригали в монастырь.

Русский историк Николая Иванович Костомаров писал о воспитании московских царевен: «Царские дочери до тех пор жили затворницами, никем не видимые, кроме близких родственников, и не смели даже появляться публично. Это зависело, главным образом, от того монашеского взгляда, который господствовал при московском дворе и дошел до высшей степени силы при Романовых. Боязнь греха, соблазна, искушения, суеверный страх порчи и сглаза – все это заставляло держать царевен взаперти. Величие их происхождения не допускало отдачи их в замужество за подданных, а отдавать их за иностранных принцев было трудно, потому что тогдашнее благочестие приходило в соблазн при мысли о брачном союзе с неправославными».

Портрет цесаревны Анны Петровны.

Художник И. Н. Никитин. 1716 г.

Анна Петровна (1708–1728) – дочь царя Петра I и Екатерины, будущей императрицы Екатерины I.

Супруга Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, герцогиня Голицинская (1725–1728).

Мать императора Петра III

Но дочерей Петра I ждала совсем иная судьбы. Их воспитывали, как европейских принцесс, учили говорить на иностранных языках: немецком, итальянском, французском,

Елизавета, кажется владела еще финским или шведским, учили носить европейские платья с декольте, фижмами и шлейфами, к ним приглашали итальянку, графиню Марианна Манияни, и танцмейстера Стефана Рамбурга.

Петр рассчитывал, что его дочери выйдут замуж за европейских монархов и упрочат тем самым связи России с Европой. Свою любимицу Лизетту (Елизавету) он прочил ни больше ни меньше, как за короля Франции. Однако, сосватать успел только старшую дочь – Анну. Ее суженым стал герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский. Он владел не только герцогствами Гольштейн и Готторп, на побережье Балтийского моря, но также и важным портовым городом Килем, а претендовал на датскую корону. Кроме того жених оказался тонким политиком. Он сумел понравиться Петру, привезя ему в подарок знаменитый Готоорпский глобус, изготовленный механиком Андеасом Бушем из Лимбурга и граверами Ротгизерами из Гузума. На наружную сторону гигантского медного шара под руководством географа Адама Олеария нанесли карту поверхности земли, а на внутреннюю поверхность – карту звездного неба. Внутри на специальной скамеечке могли уместиться 12 человек. Когда они занимали свои места, глобус начинал медленно вращаться, показывая движение звезд. Петр велел построить для глобуса в Летнем саду специальный павильон и часто приводил туда гостей, рассказывая им об устройстве глобуса и об устройстве мира, в котором они живут.

Герцог Голштинский прогостил в России долгое время. Он постоянно находился при дворе, но, кажется не то чтобы любви, но даже взаимной симпатии и интереса между ним и Анной так и не появилось. И не мудрено: герцог обычно пьянствовал вместе с мужчинами, Анна жила с матерью и сестрой. Встречались жених и невеста разве, что на балах и ассамблеях, но и там не находили общих тем для разговоров.

В свите Карла Фридриха в Россию приехал камер-юнкер Фридрих-Виольгельм Бергхольц, который оставил интереснейшие воспоминания петровском Петербурге и о сватовстве герцога Голштинского.

Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца (отрывки)

1721 год

Май

25-го, рано утром, для меня нашли наконец две маленькие плохие комнатки, в которых жил недавно переселившийся в Петербург немец, пряничник, с женою, очень хорошенькой французенкой. Хотя мне было крайне неприятно вытеснять этих бедных людей из только что нанятых ими комнат, тем более что они заплатили за них вперед и, следовательно, имели полное право жаловаться, что отдали деньги за три комнаты, а жить должны в одной, однако ж я принужден был к ним переехать. Им объявили, чтоб к вечеру две комнаты были очищены, что они и исполнили. Перед обедом, около половины одиннадцатого часа, когда царь возвращался из церкви, с крепости стреляли из всех пушек, чем и началось празднование коронации по случаю наступления 39-го года царствования его величества, вступившего на престол 10 лет от роду. Говорили, что нынешний год день этот празднуется вовсе не великолепно; но почему, никто не знал. Услы-

шав пушечную пальбу, я тотчас отправился вместе с тайным советником Геспеном, посланником Штамке и другими нашими кавалерами навстречу царю, которого мы увидели на реке. Когда он вошел в длинную галерею, стоящую в аллее, идущей к царскому летнему дворцу, все собравшиеся там русские и тайный советник Геспен с посланником Штамке подошли к нему с поздравлением. Спросив последних, когда приедет его королевское высочество и получив в ответ, что они ожидают его всякий час, царь пошел с князем Меншиковым и со всею свитою на находящееся близ сада большое открытое место¹, где стояли в строю оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский. Первый состоял из четырех батальонов, второй из трех. В обоих, как говорят, до 7000 человек, не считая нестроевых. Большая часть рядовых, по крайней мере очень многие из них, князья, дворяне или унтер-офицеры из армейских полков. Оба полка имеют зеленые мундиры с красными отворотами, но воротники у Преображенского красные, а у Семеновского голубые, равно как, для большего отличия, у первого зеленые, а у последнего синие шинели. У унтер-офицеров отвороты и воротники (которые также разных цветов, смотря по полку) обшиты узким золотым галуном. Все обер-офицеры, от полковника до прапорщика, имеют одинакий мундир зеленого цвета, обложенный кругом золотым галуном; только шарфы и значки отличают их друг от друга. Гренадеры носят шляпы,

¹ Царицын луг.

похожие на шлемы древних римлян и имеющие вид касок; но они сделаны не из железа, а из толстой кожи и украшены сзади большим пером белого и красного цветов, что делает особенно хороший вид, когда их много вместе. Спереди на шляпах у них оловянный, а у офицеров серебряный герб России; точно такая же и обделка широкого патронташа, висящего на правой стороне, поверх которого подпоясывается с левой стороны другой, маленький. Гренадерские офицеры, как и другие, носят еще через правое плечо шарфы голубого, белого и красного цветов и серебряные значки (рингкрагены) с изображением Андреевского креста, с короною наверху и лавровым венком вокруг. Под крестом написано выпуклыми буквами: 19-е Ноября 1700 года – день несчастного Нарвского сражения, в котором оба эти полка особенно отличились. Многие из рядовых имеют также в петлицах медали с портретом царя, который, говорят, награждает ими всех особенно отличающихся в сражениях; но, кроме того, все бывшие в Полтавской битве украшены такими медалями. Офицеры этого корпуса имеют высокие чины: поручики равняются капитанам армейских полков; капитаны поступают в другие полки полковниками, а майоры обыкновенно в то же время бригадиры или генерал-майоры и имеют большой вес. Сам царь – полковник Преображенского полка. Когда царь пришел к месту, где выстроились оба полка, образуя из себя огромный круг, они отдали ему честь и, исполнив по его команде обыкновенные приемы, производили беглый

огонь из ружей. После троекратной стрельбы царь удалился, пригласив сам наших кавалеров собраться после обеда, в пять часов, в Летнем саду. Я отправился домой и смотрел дорогою, как гордые полки в стройном порядке уходили назад. Каждый из батальонов имеет своих гобоистов и валторнистов. Они проходили по крайней мере час, но на это было вовсе не скучно смотреть, потому что солдаты все видные и красивые люди, набранные из многих полков. Собравшись, по обыкновению, к обеду у нашего благодетеля, мы сели за стол и только что отобедали, как приехал подполковник Сальдерн, посланный его королевским высочеством из Нарвы с письмами к тайному советнику Геспену и посланнику. Когда он вручил мне письмо от тайного советника Бассевича, я уступил ему свое место за столом, потому что он был очень голоден. Мы спросили его, когда приедет его королевское высочество, и узнали, что не прежде будущего четверга, оттого что проезжает в день не более двух станций. Тайный советник Бассевич велел меня просить, чтоб я в четверг, рано утром, был с его каретными лошадьми в Красном Кабачке; но это было невозможно по причине болезни одной из шести лошадей, которую заменить другою было решительно нельзя. Впрочем, я был твердо убежден, что ее величество царица пошлет навстречу герцогу довольно лошадей и карет, так что его собственные, требуемые только на всякий случай, вероятно, вовсе не понадобятся. После обеда мне очень хотелось тотчас же исполнить одно поручение, о котором тай-

ный советник писал мне в своем письме, но в этот день ничего нельзя было сделать. В 5 часов я со многими из наших отправился в сад. Подойдя к месту, где утром была стрельба, мы опять нашли там, в том же порядке, оба гвардейских полка, но только с нижним оружием; верхнее они оставили в лагере. Когда я спросил, для чего они здесь собрались, мне отвечали, что царь обыкновенно в такие праздники угощает их пивом и вином, которое сам им подносит в деревянных чашках величиною с большой стакан. Его величество именно этим и был занят, когда мы пришли. Там же увидел я необыкновенно большого роста чухонку, которую царь несколько лет тому назад выдал замуж за огромного француза, привезенного им из Франции. Они имели уже ребенка, и теперь она снова была беременна. Этот француз не так высок, как неестественно толст; он сам говорит, что австрийский посланник в Париже, барон Бентенрейтер, еще повыше его, в чем я теперь, рассмотрев его хорошенько, также убедился. Он не имеет никакой должности (впрочем, по толстоте своей и не способен ни на что) и всю жизнь только и делал, что показывал себя за деньги. Ему дают в год 300 рублей жалованья и даровую квартиру. Царь, тотчас после его приезда, подарил ему дом и держит его, как говорят, только для того, чтоб иметь от него рослых людей. С теперешнею его женою его соединили еще до брака, и государь только тогда приказал обвенчать их, когда убедился, что они могут иметь детей; в противном случае она досталась бы одному

из царицыных гайдуков, также огромного роста, но весьма красивому*. Войдя в сад и осмотрев его немного, я до того был удивлен переменами в нем в последние семь лет, что едва узнавал его. Мы сперва отправились туда, где думали найти лучшее, то есть царский двор, который очень желали видеть, и пришли наконец в среднюю широкую аллею. Там, у прекрасного фонтана, сидела ее величество царица в богатейшем наряде. Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу², брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худая. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты и только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно. Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру. Около ее величества царицы стояли еще маленький великий князь и его сестра, дети покойных принцессы Вольфенбюттельской и наследного принца; они как

² Анна Петровна.

вылитые из воску и ангельской красоты. Великому князю, говорят, только шестой год, а сестре его осьмой, но они уж довольно велики для своих лет. Они имеют свой особенный стол, так же как и обе старшие принцессы. У царицы есть еще маленькая принцесса, лет четырех, которую еще носят на руках; она также прехорошенький ребенок. Здесь же была вдовствующая царица с дочерью своею, принцессою Прасковией, находящейся еще при ней. Она была одета в черном и имела на голове большую шапку, какую обыкновенно носят старые русские дамы. Это вдова брата нынешнего царя, Ивана; старшего его брата звали Федором. У нее, кажется, осталось теперь в живых только три дочери, из которых одна за теперешним герцогом Мекленбургским, другая – герцогиня Курляндская, которую мы видели в Риге, а третья та самая, которая была с нею в саду и которой лет пять; она брюнетка и недурна собой. Вдовствующая царица Прасковия – урожденная Салтыкова. Между бывшими здесь другими дамами мне особенно понравилась княгиня Черкасская, которая, как меня уверяли, считается при дворе первую красавицей. Но я насчитал еще до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен. У ее величества царицы четыре камер-юнкера, все красивые и статные молодые люди; из них двое русские, Шепелев и Чевкин, и двое немцы, Балк и Монс (двоюродный брат госпожи Балк, очень го-

ворят, любимой царицею). Первый из этих двух – сын генеральши Балк, состоявшей несколько лет тому назад в качестве обер-гофмейстерины при дочери вдовствующей царицы, нынешней герцогини Мекленбургской. Теперь она снова статс-дамою при здешнем дворе и имеет еще дочь, которая замужем за флотским капитаном Лопухиным. К штату царицы принадлежат еще: гофмаршал Олсуфьев (брат гофмаршала царя), русский и очень незнатного происхождения, шталмейстер и многие другие. Пажи ее величества имеют зеленые мундиры с красными отворотами и золотыми галунами на всех швах, как и трубачи и валторнисты; но лакеи и конюхи, которых у ее величества множество, не имеют этих галунов, однако ж все-таки одеты прекрасно. В оркестре государыни много хороших немецких музыкантов, обязанных также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любят). Одним словом, двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит из нескольких денщиков (так называются русские слуги), из которых только немногие хороших фамилий, большая же часть незнатного происхождения. Однако ж почти все они величайшие фавориты и имеют большой вес. Теперь особенно в милости три или четыре; первый – племянник генерала Бутурлина, другой – Травеник, один из двух близнецов, до того друг на друга похожих, что их различают только по платью. Говорят, его величество царь, проезжая через Данциг,

взял их к себе единственно по причине этого необыкновенного сходства. Родители их простого происхождения. Того из них, который не сумел подделаться под его вкус, он отдал царице. Третий фаворит и денщик – Татищев, из русской фамилии, четвертый и последний – Василий, очень незнатного происхождения и человек весьма невзрачный. Царь поместил его, как бедного мальчика, в хор своих певчих, потому что у него был, говорят, порядочный голос; а так как его величество сам по воскресеньям и праздникам становится в церкви с простыми певчими и поет вместе с ними, то он скоро взял его к себе и до того полюбил, что почти ни минуты не может быть без него. Оба последние самые большие фавориты, и хотя Татищева считают величайшим, потому что он почти всегда обедает с царем, когда его величество бывает один или в небольшом обществе, однако ж я думаю, что тот имеет перед ним большое преимущество: царь иногда раз по сто берет его за голову и целует, также оставляет знатнейших министров и разговаривает с ним. Удивительно, как вообще большие господа могут иметь привязанность к людям всякого рода. Этот человек низкого происхождения, воспитан как все простые певчие, наружности весьма непривлекательной и вообще, как из всего видно, прост, даже глуп, – и несмотря на то, знатнейшие люди в государстве ухаживают за ним. Генерал Ягужинский, который еще до сих пор в большой милости, был сперва также денщиком царя; одни говорят, что он бедный польский дворянин, другие уверяют, что сын немец-

кого кистера в Москве. У него есть брат, полковник здешней же службы, который однако ж далеко не может равняться с ним умом и способностями.

Вскоре после нашего прихода в сад его величество оставил гвардейцев и пошел к ее величеству царице, которая осыпала его ласками. Побыв у нее несколько времени, он подошел к вельможам, сидевшим за столами вокруг прекрасного водомета, а государыня между тем пошла с своими дамами гулять по саду. После этого я стал рассматривать местоположение сада и, между прочим, увидел прелестную молодую дубовую рощицу, насаженную большею частью собственными руками царя и находящуюся прямо против окон царского летнего дворца. Так как здешнее духовенство обыкновенно также принимает участие во всех празднествах, то оно и в этот день собралось в большом числе и для своего удовольствия выбрало самое живописное и приятное место, именно эту рощу. Я нарочно оставался там несколько времени, чтоб отчасти полюбоваться на многие молодые и чрезвычайно прямые деревья, отчасти посмотреть хорошенько на духовенство, сидевшее за круглым столом, уставленным кушаньями. Духовные лица носят здесь одежду всех цветов, но знатнейшие из них имеют обыкновенно черную, в виде длинного кафтана, и на голове длинные монашеские покрывала, закрывающие плечи и спину. Многие своими бородами и почтенным видом внушают к себе какое-то особенное уважение. Наконец я очутился опять

на том месте, где остался царь, и нашел его там сидящим за столом, за который он поместился с самого начала. Постояв здесь с минуту, я услышал спор между монархом и его шутом Ла-Костой, который обыкновенно оживляет общество. Этот Ла-Коста из жидов и человек чрезвычайно хитрый; прежде он был маклером в Гамбурге. Дело было вот в чем. Ла-Коста говорил, что в Св. Писании сказано, что «многие придут от Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом»; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано. Тот отвечал: в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библиею и вскоре возвратился с огромною книгою, которую приказал взять у духовных, требуя, чтобы Ла-Коста отыскал ему то место; шут отозвался, что не знает, где именно находятся эти слова, но что может уверить его величество, что они написаны в Библии. «Еу, еу, – отвечал государь, по своему обыкновению, по-голландски: – *Dat is naar apraht, jy saudt ju Dage nicht darin finden*» (все вздор, там нет этого). В это самое время проходила мимо царица с принцессами, и так как для меня гораздо любопытнее было видеть их, чем слушать этот спор, то я последовал за дамами и старался познакомиться с некоторыми из них. Когда все они опять сели, я возвратился на свое прежнее место, но царя там уже не было. Меня уверяли, что Ла-Коста прав, что приведенные им слова действительно находятся в Библии, именно у Матфея, гл. 8, ст. 11 и 12. Вскоре после того появились дурные предвестники, вселившие во всех страх и трепет, а именно чело-

век шесть гвардейских grenадеров, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином; запах его был так силен, что оставался еще, когда grenадеры уже отошли шагов на сто и поворотили в другую аллею. Заметив, что вдруг очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола, я спросил одного из моих приятелей, тут же стоявшего, что сделалось с этими людьми и отчего они так поспешно уходят. Но тот взял меня уже за руку и указал на прошедших grenадеров.

Большой маскаррад в 1722 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И. Ф. Ромодановского. Выпол-

нено по описанию камер-юнкера Берхгольца.

Художник В. И. Суриков. 1900 г.

«Никакое историческое художественное изложение не может дать столь верной идеи о тогдашнем времени, как простой безыскусственный, с тем вместе до мелочей отчетливый рассказ Берхгольца. Дневник его... превосходит все, что ни писали иноземцы о Петре Великом».

(И. Н. Устрялов)

Тогда я понял, в чем дело, и поскорее отошел с ним прочь. Мы очень хорошо сделали, потому что вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. Меня предупредили, что здесь много шпионов, которые должны узнавать, все ли отведали из горькой чаши; поэтому я никому не доверял и притворился страдающим еще больше других. Однако ж один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил менядохнуть на него. Я отвечал, что все это напрасно, что я давно уже выполоскал рот водою; но он возразил, что этим его не уверишь, что он сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь в рот корицы и гвоздики, и что я должен также подвергнуться испытанию, чтоб иметь понятие о здешних празднествах. Я всячески отговаривался, что не могу никак пить хлебного вина;

но все это ни к чему бы не повело, если б мнимый шпион не был хорошим моим приятелем и не вздумал только пошутить надо мною. Если же случится попасться в настоящие руки, то не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет немного вина и пьет. За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещаниями простых гренадеров. Из ковша величиною в большой стакан (но не для всех одинаково наполняемого), который подносит один из рядовых, должно пить за здоровье царя или, как они говорят, их полковника, что все равно. Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток, как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских аквавит и французских водок (которые, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обыкновенно только берут в рот и потом выплевывают) и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить, часто говоря, что между гвардейцами нет ни одного, которому бы он смело не решился поручить свою жизнь. Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уж хватают. Поэтому я бродил по саду как заблудившийся, пока наконец не очутился опять у рожицы близ царского летнего дворца. Но на этот раз я был очень

поражен, когда подошел к ней поближе: прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало, и воздух был там сильно заражен винными испарениями, очень развеселившими духовенство, так что я чуть сам не заболел одною с ними болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там другой, который почти расставался с легкими и печенюю; от некоторых шагов за сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, превесело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто. Узнав, что в открытой галерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел наконец счастье видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны. Мне больше нравилось, как танцует младшая принцесса; она от природы несколько живее старшей. Когда стало смеркаться, принцессы удалились с своими дамами. Так как царь и царица (оставившая, впрочем, своих дам) также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и

мы. Все это бы ничего, если б, на беду, вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение: вся знать поспешила к галереям, в которых заняла все места, так что некоторые принуждены были стоять все время на дожде. Эта неприятность продолжалась часов до двенадцати, когда наконец пришел его величество царь в простом зеленом кафтане, сделанном наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду (перед тем же на нем был коричневый с серебряными пуговицами и петлицами); шляпу он почти никогда не надевает, приказывая носить ее за собою одному из своих денщиков. Войдя в галерею, где все ждали его с большим нетерпением и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу в надежде скоро освободиться, он поговорил немного с некоторыми из своих министров и потом отдал приказание часовым выпускать. Но так как выход был только один и притом довольно тесный, то прошло еще много времени, пока последние выбрались из сада. Кроме того, надобно было также проходить недалеко от сада через небольшой подъемный мост на малом канале, и только пройдя через него всякий мог без затруднения спешить домой.

Все мы порядочно проголодались и были в большом затруднении найти что-нибудь поесть. К счастью, нам попался один почтенный знакомый камеррата Негелейна, также спешивший домой с своею женою. Будучи знаком еще с некоторыми из наших и очень хорошо видя нашу невзгоду, он пригласил нас всех к себе на холодное жареное и прочую за-

куску; мы, разумеется, не церемонились и, не дожидаясь вторичного приглашения, с радостью последовали за ним. Этот сострадательный человек был чиновник Коммерц-коллегии по фамилии Гольштейн. Брат его камер-пажом у царицы и, говорят, довольно любим царем. Когда мы проходили мимо квартиры ассессора Сурланда, которая была недалеко от дома этого чиновника, тот увидел нас и тотчас вышел к нам на улицу, но уже в халате. Мы спросили его, когда он успел так скоро раздеться и почему мы не догнали его, несмотря на то что из сада вышли в числе первых и на дороге были вовсе недолго. Он отвечал, что сидит дома уж с лишком час, успев тайно выбраться из сада вместе с голландским резидентом Вильде, который нашел к тому средство, если не ошибаюсь, при помощи садовника, имеющего при саде свой дом. Плохо пришлось бы этому человеку, если б про то узнал царь, и я не желал бы поделиться с ним вырученными им деньгами; ассессор поэтому и был так скромн, что тогда никому из нас не назвал своего благодетеля, избавляя его таким образом от всякой неприятности. Наевшись и напившись у почтенного чиновника, мы все отправились по домам. Мне, несчастному, приходилось идти дальше других и, кроме того, надобно было пробыть еще несколько времени в соседстве посланника (Штамке). Несмотря на то что тайный советник Бассевич обещал мне еще в Ревеле, что меня поместят здесь в его доме вместе с Сурландом (о чем и отдал надлежащее приказание камер-юнкеру Геклау, который распоряжался кварти-

рами), мы оба принуждены были по недостатку места в плохом деревянном домике, назначенном для тайного советника и решительно для него не годном, взять отведенные нам маленькие и дурные квартиры в надежде, что тайный советник получит скоро другое помещение. Этот домик асессор занял для него только на всякий случай, чтоб ему по крайней мере было где остановиться и поставить свои вещи. Если б положиться на распоряжения нашего квартирмейстера, то тайный советник, первый министр, должен был бы на первый раз остановиться на улице: несмотря на продолжительное время, назначенное для приискания квартир, ни одна не была еще готова, когда наша свита начала съезжаться, и за дело принимались только тогда, когда всякий по приезде сам начинал хлопотать о квартире.

<...>

Его высочество обедал у посланника Штамке, и после обеда, когда камергер Нарышкин доложил, что его величество царь уже встал (он обыкновенно отдыхает несколько часов после обеда) и отправился в сад, герцог немедленно собрался со всею своею, довольно многочисленною, свитою и поехал в той же самой барке, которая до обеда привезла его домой, к маленькому каналу, примыкающему ко входу в сад. Когда мы вошли в сад, раздались чудные звуки труб, и вскоре мы увидели царя, шедшего к нам навстречу. Он обнял герцога и приветливо поклонился всем нам; потом взял его высочество за руку и повел к месту, где находились ее ве-

личество царица, обе старшие принцессы, маленький великий князь с своею сестрою, вдовствующая царица с дочерью, все здешние знатные дамы и множество кавалеров. Все были в самых парадных костюмах, делавших собрание особенно блестящим, и я никогда не видал вдруг столько драгоценных камней, как при этом первом свидании его королевского высочества с царскою фамилиею, или если видел, то разве только на аудиенции турецкого посла в Париже в начале нынешнего года. Герцог поклонился сперва царице, отвечавшей с ласковою улыбкой на его поклон, потом принцессам. Так как царь в это время куда-то удалился, то государыня с четверть часа разговаривала с его высочеством, но потом незаметно обратила речь к нашим министрам, давая тем случай герцогу сблизиться со старшею принцессою. Он и начал говорить с нею, но оба были довольно застенчивы, так что если б на их устах не пробежала по временам легкая улыбка, то нельзя было бы и узнать, разговаривают они или нет. Когда ее величеству показалось, что для первого раза этого довольно, она снова обратилась к его высочеству. Тут подошел опять его величество царь, и государыня подала стакан вина сперва ему, потом его высочеству и наконец тайным советникам Бассевичу и Геспену. После того царь показывал герцогу сад, птичник, в котором было множество прекрасных редких птиц, и красивый грот, не совсем еще отделанный; наконец они сели вместе с некоторыми вельможами за стол, и его величество провозгласил тост, который его высочество

должен был принять, но затем получил свободу пить столько вина или воды, сколько ему было угодно.

<...>

По уходе царя князь Меншиков должен был занимать его высочество. Тайный советник Бассевич пошел в это время с царем на луг (nach der Pleine), где принужден был пить простое вино. Между тем генерал Ягужинский напомнил его высочеству, что теперь пора просить царя о даровании свободы взятому под Полтавою в плен графу Бонде (который, по желанию его высочества и по просьбе генерала Ягужинского, привезен был к здешнему двору из Москвы. Он принадлежал к одной из знатнейших шведских фамилий, почему герцог и хотел сделать удовольствие шведам, в особенности своим приверженцам); за ним тотчас послали, и когда он явился, герцог представил его царю (находившемуся в это время в небольшой приятной аллее, где стояла превосходная мраморная статуя Венеры <Fides> с покрытым лицом) и просил даровать ему свободу, на что его величество сейчас же и согласился. Его высочество много благодарил за такую милость, равно и граф Бонде, целовавший у царя руки и полы кафтана. Так как не нашлось под рукою лишней шпаги, то его высочество, забывшись от большой радости, снял свою собственную и отдал графу, тогда как ему следовало поднести ее сперва царю, который взял шпагу Ягужинского и подал графу, после чего последний возвратил взятую им от его высочества.

Около девяти часов, когда вынесли вон столы, уставленные сластями, начались танцы в той же галерее, где танцевали в день празднования коронации. Его величество царь с царицею, его высочество со старшею принцессою и князь Меншиков с младшею открыли бал немецким танцем, после которого его высочество танцевал со старшею принцессою менуэт. Потом танцевали: она же с генералом Ягужинским, младшая принцесса сперва с ним, потом с его высочеством, его высочество с одною из дам, и так как общество было многочисленно, то танцы продолжались до двенадцатого часа ночи. Но его величество царь тотчас после первого танца (то есть первого менуэта, который его высочество танцевал с старшею принцессою) удалился к мужчинам. Около двенадцати часов зажгли фейерверк, устроенный перед самою галереєю на нескольких для того приготовленных больших барках. Между прочим горело изображение человека с бороною (Egge) на голове для защиты от дождя и с русскою надписью наверху: Дурное прикрытие. Некоторые думали, что это намек на английскую эскадру, высланную для прикрытия Швеции. Покамест горел этот девиз, было пушено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб, или бураков. Во все время фейерверка подле меня стоял некто Бюлау, о котором я еще в Париже читал в газетах, что он по контракту, заключенному с царем, взялся зажигать корабли на расстоянии тысячи шагов, пускать пушечные ядра на версту и более и делать множество других неслыханных опытов

с порохом. Царь письменно обещался за исполнение всего этого выплатить ему тотчас же восемьдесят тысяч червонцев. Этот барон Бюлау завязал со мною разговор, смеялся над фейерверком и уверял, что хотя в сравнении с тем, что он знает, такой фейерверк не больше, как детская игрушка, однако ж и ту заимствовали у него. Я всячески старался по-благовиднее отделаться от несносного болтуна, который говорит без умолку, особенно когда бывает пьян, и наконец успел отвязаться от него, заговорив с одним из моих приятелей, тут же стоявшим. Но только что я обратился к другому, он тут же подошел к князю Меншикову, который стоял близко от нас, и начал с ним толковать. Князь, зная его характер, также искал поскорее развязаться с ним, однако ж, несмотря на то, скоро вовлекся в спор и должен был выслушать много пустых слов, за которые десятеро других могли бы попасть в Сибирь; но князь не обращал на них внимания, следуя примеру царя, который все спускает этому человеку, пока не окончилось его предприятие. Говорят, однако же, что в этот день, несмотря на такое терпение царя, он сильно рассердил его величество тем, что во время разговора не давал выговорить ему ни одного слова и не обращал никакого внимания на многократную просьбу замолчать хоть на секунду и выслушать ответ, так что государь плюнул ему наконец в лицо и удалился. Царица с дамами оставалась в саду до конца фейерверка, но принцесс, по причине вечерней прохлады, давно уже не было. Так кончилось празднование

Полтавского сражения, и мы разошлись все по домам.

28-го его высочество произвел графа Бонде в полковники и генерал-адъютанты. Граф принадлежит к одной из древнейших фамилий в Швеции и довольно богат; он имел брата и сестру при шведском дворе, которые были очень привержены к его высочеству, но его самого герцог до сих пор не знал, потому что он находился уже 12 лет в плену, а перед тем долго путешествовал по Франции и Германии. Замечательно, что он получил свободу в тот самый день, в который за 12 лет попался в плен в Полтавском сражении будучи капитаном лейб-регимента и адъютантом фельдмаршала Реншильда. Его высочество приказал мне объявить, чтоб я всегда, когда он будет кушать не дома, стоял у стола, подавал суп и потом удалялся. Но это распоряжение, по представлению тайного советника Бассевича, было оставлено и заменено следующим порядком для наших кавалеров: всякий день трое должны находиться на дежурстве и оставаться в покоях его высочества, когда он дома, и всюду следовать за ним, когда он выезжал со двора, – один как генерал-адъютант, другой как камер-юнкер, третий как гоф-юнкер. Генерал-адъютантами были граф Бонде, действительным, и полковник Лорх исправляющим эту должность; но камер- и гоф-юнкеров было только двое, именно Геклау и я; поэтому подполковнику Сальдерну приказали заменить камер-юнкера, а майору Эдеру гоф-юнкера. Последний только после моего отъезда из Ревеля приехал туда из Вены, где в прошедшем

году принят его высочеством в нашу службу; до тех пор он служил в Австрии кирасирским ротмистром. Только из Риги, как я слышал, получил он приказание ехать сюда. Граф Бонде, камер-юнкер Геклау и я остались вместе, а трое других начали в этот день в первый раз свое дежурство: генерал-адъютант по прочтении пажом молитвы принимал от его высочества шляпу, а камер-юнкер подавал ему стул, позади которого оставался вместе с гоф-юнкером до тех пор, пока его высочество не выпил (?) и не подал им знака отойти; после чего камер-юнкер прислуживал государю по заведенному порядку. Другой камер-юнкер, не дежурный, сидел за столом вместе с прочими, но должен был постоянно накладывать и подавать кушанья. Когда отобедали, паж подает шляпу полковнику, который подносит ее его высочеству. По уходе герцога в свои покои кушанье немного разогревали, и дежурные вместе с другими придворными служителями садились за тот же стол.

29-го, в день св. Петра и Павла, было тезоименитство царя, которое здесь почти более празднуется, чем день его рождения. Около 11 часов утра его высочество с камергером Нарышкиным и со всею своею свитою отправился в длинную галерею, находящуюся в аллее, которая ведет к царскому саду. Там они остались и ожидали его величества царя, который скоро приплыл на верейке с противоположной стороны, из церкви, при пушечной пальбе с крепости. Когда царь

подъехал к галерее, его высочество с иностранными министрами и некоторыми из нашей свиты сошел вниз по маленькой лестнице, ведущей к воде, и встретил его величество, который, по своему обыкновению, тотчас нежно обнял и поцеловал его, поблагодарив за поздравление. Отсюда царь пошел скорыми шагами (так, что немногие поспевали за ним) к площадке против галереи, где стояла в строю вся гвардия, как в день празднования коронации. После первого залпа из ружей он хотел поспешно удалиться: вероятно, ему или очень хотелось кушать (так как он обыкновенно обедает в 11 часов), или он был занят какими-нибудь мыслями и забыл про обычный порядок, по которому эти залпы повторялись три раза. Но князь Меншиков побежал за ним и спросил, не угодно ли ему будет остаться до окончания стрельбы. Тогда царь воротился, выждал, пока все кончилось, и ушел, попросив его высочество опять приехать в сад после обеда. Уходя, он сильно тряс головой и подымал плечи, что было признаком, что мысли его заняты чем-нибудь и что он в дурном расположении духа. Его высочество поэтому тотчас отправился домой и смотрел из окна на гвардейские полки, проходившие с громкою музыкой мимо его дома. Мне очень хотелось знать, как офицеры отдадут честь его высочеству. Но они не салютуют никому, не исключая и царя, а потому только наклонили немного вперед свои пики и потом сняли шляпы; гренадерские же офицеры только прикоснулись к своим. После обеда его высочество опять отправился в царский сад

со всеми своими кавалерами, в парадных платьях. При входе туда мы услышали обыкновенную музыку – трубы, которые приветствовали его высочество. В саду не было еще ни царя, ни царицы, ни принцесс; поэтому герцог пошел в красивую рощицу перед царским дворцом, где мы нашли множество дам, ожидавших, как и мы, выхода царицы. При появлении его высочества они встали и, несмотря на все его просьбы, никак не хотели опять сесть.

Портрет герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторского. Художник Д. фон Крафт. 1722 г.

Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский (1700–1739) – герцог Гольштейна из рода Готторпов, отец российского императора Петра III, племянник шведского короля Карла XII (сын его сестры Гедвиги Софии), зять Петра I и Екатерины I

Камер-юнкер Балк и царский камергер Нарышкин представляли их герцогу, желавшему с ними немного познакомиться. Хотя многие из них говорили по-немецки, однако же почти все притворялись, что не понимают этого языка и еще менее в состоянии говорить на нем, и отвечали всякий раз, когда к ним обращались, не знаю, не понимаю (nisnay). Старшая Головкина была одна из тех, которые довольно свободно и хорошо говорят по-немецки; других же дам, хорошо знающих этот язык и из которых многие шведки и немки, в этот раз не было ни одной. Наконец царица вышла, и его высочество поспешил к ней навстречу с приветствиями. С нею вышли и принцессы, прекрасно одетые, особенно старшая, на которой было желтое, богато вышитое платье. Его высочество гулял с ними несколько времени по саду, а когда царь возвратился с луга, где, как и в предшествовавшие празднества, стояла гвардия, которую его величество, по обыкновению своему, угощал водкой, он пошел с ним к тому месту, где министры и другие знатные особы сидели за стаканом вина и курили табак. Ее величество царица, узнав, как лег-

ко и охотно согласился царь в день празднования Полтавской победы на просьбу его высочества возвратить свободу графу Бонде, и желая таким же образом помочь одной особе, приказала осведомиться, не согласится ли герцог для нее исходатайствовать у царя свободу и прощение еще одному пленнику, присовокупив, что, с своей стороны, она уверена, что его величество царь не откажет в этой просьбе. Его высочество, конечно, никак не мог отказаться сделать угодное государыне, тем более что она сама хотела навести его на удобный случай заговорить об этом с царем, и потому обещал употребить все старание для исполнения ее воли. Особа эта – шведский граф Дуглас, который хотя и находился несколько времени в плену в России, однако ж скоро был освобожден царем и сделан губернатором всей Финляндии. Незадолго он имел несчастье заколоть в собственном своем доме одного русского капитана, который, если не ошибаюсь, служил в гвардии; вследствие того его арестовали и привезли сюда. На военном суде, состоявшем из четырех членов, именно двух иностранных и двух русских офицеров, первые приговорили его к аресту на известное время на том основании, что убитый им капитан оскорбил его и напал на него в его доме; но оба русских присудили его к смерти, говоря, что если капитан и напал на него, то напал в его доме, где Дуглас, как полный хозяин, легко мог при помощи постоянно находившегося у него караула арестовать виновного или выгнать его вон, вовсе не имея надобности прибегать к убий-

ству. Несмотря на справедливость такого приговора в глазах беспристрастных людей, царь был до того милостив к графу, что приказал только на три недели арестовать его и заставить работать в саду царицы, по истечении же этого срока освободить. Наказание, следовательно, было так легко, как только мог желать подсудимый. Но этот граф никогда не бывал доволен оказываемою ему милостью и всегда хотел еще большей, хотя не раз убеждался, что с ним поступали милостивее, чем он заслуживал. Точно так он был недоволен и в этот раз: приговоренный, против всякого ожидания, к столь умеренному наказанию, он начал хлопотать через своих родных и знакомых, в особенности через семейство Балк, очень любимое царицею, о получении полной свободы; а как государыня вообще чрезвычайно милостива и сострадательна, особенно к шведам, то и приняла в нем живое участие. Герцог только что хотел идти к ее величеству и переговорить с нею о том, как лучше начать дело, как встретил генерала Ягужинского, к которому он, равно как и тайный советник Басевич, имеет неограниченное доверие. Его высочество тотчас же рассказал ему о желании царицы, но генерал знал уже обо всем от нее самой. Желая искренно добра его высочеству, он говорил, что не советует исполнять эту просьбу, которая может повлечь за собою неприятные последствия. Но так как герцог не находил средства поблаговиднее уклониться от возложенного на него поручения, то Ягужинский просил предоставить дело ему и обещал все так устроить, что

государыня не захочет более настаивать на своем намерении и, кроме того, не заметит, что они сговорились или что его высочество неохотно исполняет ее желание. Они пошли вместе к царице, и когда она опять заговорила о своей просьбе, генерал начал представлять ей, как дурны могут быть последствия, если его высочество, испросив только за два дня свободу графу Бонде, снова станет подобною же просьбою утруждать царя, тем более что всем известно, как милостив был его величество с этим Дугласом и как недовольны остались русские избавлением его от смертной казни, замененной весьма легким наказанием, — неудовольствие, которое еще более усилится, когда они узнают, что он совершенно освобожден по просьбе его высочества. К этому он прибавил еще, что удивляется желанию Дугласа освободиться от такого незначительного наказания, как его краткий арест, который вовсе не позорен и после которого, как он очень хорошо знает, царь возвратит ему прежнюю должность, что три недели нетрудной работы не изнурят его и не лишат хорошей пищи и питья; что он, Ягужинский, уверен, впрочем, в полной готовности его высочества ходатайствовать за арестанта, если это только непременно угодно ее величеству; но что, наконец, еще вопрос, согласится ли царь исполнить такую просьбу и может ли он исполнить ее благовидным образом. Государыня вполне согласилась с генералом и приказала оставить это дело. Погуляв немного по саду с ее величеством, его высочество пошел в галерею, где обыкновен-

но танцуют, и когда царь также туда пришел, начали танцевать как в последний раз, то есть царь с царицею, его высочество с старшею принцессою, а князь Меншиков с младшею. По окончании этого веселого танца выбирали некоторых из наших кавалеров, в том числе и меня, а потом я имел еще честь танцевать с младшею принцессою английский танец. После бала, продолжавшегося довольно долго, все отправились по домам, и мы радовались, что можем отдохнуть после всех этих празднеств. В этот день граф Бонде, камер-юнкер Геклау и я в первый раз были дежурными при его высочестве.

30-го князь Меншиков и большая часть министров и русских вельмож были с визитами у его высочества, который принимал каждого по чину. После обеда царь прислал просить его высочество приехать в Адмиралтейство. В этот день я не был дежурным и, к несчастью, ушел со двора, пропустив таким образом удобный случай побывать там. После я сожалел о том еще более, узнав, что его величество царь сам водил везде его высочество и показывал ему все до малейшей подробности. Бывшие с его высочеством превозносили необыкновенный порядок, в котором содержится там множество больших и мелких вещей, необходимых для кораблестроения. Все они там же и приготавливаются. Несмотря на то что русский флот состоит из тридцати с лишком линейных кораблей и снабжен всем в изобилии, в Адмиралтействе собрано, говорят, такое количество материалов, что можно

снарядить еще почти такой же флот.

Июнь

23-го, утром, приехал граф Пушкин и объявил, что его величество царь намерен устроить после обеда увеселительное катание по Неве на всех здешних барках и верейках, на которое приказал пригласить и его высочество. Он (Пушкин) хотел заехать за нами, когда выкинут флаг. Здесь так заведено, что если в двух или трех определенных местах города вывешиваются флаги, то все барки и верейки или, смотря по флагу, все яхты, торншхоуты и буеры должны собираться по ту сторону реки, у крепости. Для не являющихся по этому знаку положен большой штраф. После обеда, в назначенный час, явился граф Пушкин, и мы отправились, взяв с собою как барку, так и обе наши верейки. Подъехав к реке, мы увидели, что все ушли уже довольно далеко, почему велели грести сильнее, и скоро догнали флотилию. Впереди ее плыл адмирал маленького флота (который составляют все упомянутые небольшие суда), имевший на своем судне, для отличия, большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права обгонять его. Царь ехал недалеко позади, на барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал поворотил назад, а все следовавшие за ним остановились и выждали, пока он не прошел мимо. В это время мы поравнялись с царскою

баркой, и его высочество, вышед из задней каюты, кланялся царю, царице и принцессам, которые отвечали на его поклоны из своих окон. Мы постоянно оставались потом близ этой барки с правой стороны. Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух. Мы спустились до самого Екатерингофа, куда приехали очень скоро, потому что плыли по течению реки, да и, кроме того, водою туда от города не более четырех верст. Когда его высочество проезжал мимо Адмиралтейства, царь закричал ему, что в четверг будет спущен на воду новый корабль. По приезде в Екатерингоф мы вошли в небольшую гавань, в которую едва ли могут свободно пройти два судна рядом. Все общество по выходе на берег отправилось в находящуюся перед домом рощицу, где был накрыт большой длинный стол, уставленный холодными кушаньями, за который однако ж порядочно не сажались; царь и некоторые другие ходили взад и вперед и по временам брали что-нибудь из поставленных на нем плодов. Царица была так милостива, что собственноручно подала каждому из нашей свиты по

стакану превосходного венгерского вина. Камер-юнкеры ее величества также не оставляли усердно угощать нас. Когда обе принцессы пошли немного гулять, его высочество, по совету генерал-майора Ягужинского, испросил у царицы позволения быть вместе с ними, на что ее величество и согласилась. Герцог последовал за принцессами, и когда они, увидав его, остановились, сделал им реверанс и пошел с обеими под руку. Перед ними шел камер-юнкер царицы, а позади их следовала большая свита дам. Разговаривали во время этой прогулки мало, потому что его высочество и принцессы были еще несколько застенчивы друг с другом, а наши кавалеры не могли много занимать дам по незнанию русского языка. Походив немного, они воротились и подошли к царице, которая пригласила герцога сесть на свою скамейку вместе с обеими принцессами. Рядом с ним, по правую руку, села старшая, а подле нее меньшая; налево же возле его высочества сидела царица. Вдовствующей царицы с дочерью и великого князя с его сестрою в этот раз не было, но придворные дамы почти все участвовали в нашей поездке. Так как царь разговаривал со своими приближенными, а другие царственные особы сидели довольно смиренно, то Ягужинский, заметив, что они со вниманием слушают трубачей, игравших в роще (из которых один был отличный), подошел и сказал царице, что у его высочества есть два валторниста, которым едва ли найдутся подобные. Ее величество пожелала их слышать; они явились и превосходно сыграли несколь-

ко пьес. Царица и принцессы слушали с большим вниманием и восхищались их игрою. Между тем стало уже становиться довольно поздно. Ее величество встала, чтобы напомнить царю, что пора ехать назад, и в это время незаметно вручила камер-юнкеру Монсу двенадцать червонцев для передачи валторнистам. Но так как государю не хотелось еще ехать, то начали опять разносить большие стаканы с венгерским, от которого мы порядочно опьянели. Наконец собрались в обратный путь. Его высочество хотел вести к барке царицу, но она, как бы не замечая того, обернулась и подала руку другому, чем доставила случай герцогу вести старшую принцессу. Назад мы поехали совсем иначе – через канал – и вошли опять в реку только позади летнего дворца царицы. Было уже темно, и вода стояла совершенно спокойно. Перед окнами принцесс мы велели гребцам остановиться, и валторнисты, по приказанию его высочества, сыграли прекрасный ноктюрн. После того мы отправились домой. Гребцы от усиленной работы были так утомлены, что едва могли говорить, почему его высочество приказал выдать им несколько червонцев на водку. Валторнистам, которые в этот день очень много играли, герцог велел также дать 10 червонцев. Они, следовательно, всего получили 22 червонца. Пожелав его высочеству доброй ночи, я отправился домой, но проходя мимо квартиры бригадира Ранцау, увидел там гостей и вспомнил, что утром его высочество приказал, чтоб у него была тост-коллегия, на которую сам, по причине нашей поздней поезд-

ки, не мог приехать. Я вошел, думая, что они скоро разойдутся, но оказалось, что они только что сели за ужин, к которому поджидали нас. Мы просидели до поздней ночи, и так как у меня еще до этого шумело в голове, то я воротился домой полупьяный. 24-го я с придворным проповедником и с Дювалем ходил в Адмиралтейство смотреть новый корабль, который, как говорил вчера его величество царь, назначался к спуску со штапеля 27-го числа. Корабль этот 64-пушечный и построен французским мастером, присланным царю на несколько лет из Франции. Мы застали там переводчика этого мастера, с которым Дюваль был знаком, и он водил нас по всему кораблю. После того мы осмотрели несколько и самое Адмиралтейство. Оно имеет внутри большое, почти совершенно четырехугольное место (которое с трех сторон застроено, а с четвертой открыто на Неву), где корабли строятся и потом спускаются на воду. Против открытой стороны находится большой въезд, или главные адмиралтейские ворота; над ними устроены комнаты для заседаний Адмиралтейств-коллегий и поднимается довольно высокая башня, выходящая, как я говорил уже прежде, прямо против аллеи, называемой проспектом, через который въезжают в Петербург и который в середине вымощен камнем, а с боков имеет красивые рощицы и лужайки. Обе стороны адмиралтейского здания, идущие флигелями к воде и окаймляющие вышеупомянутое четырехугольное место, наполнены огромным количеством корабельных снарядов – парусов и кана-

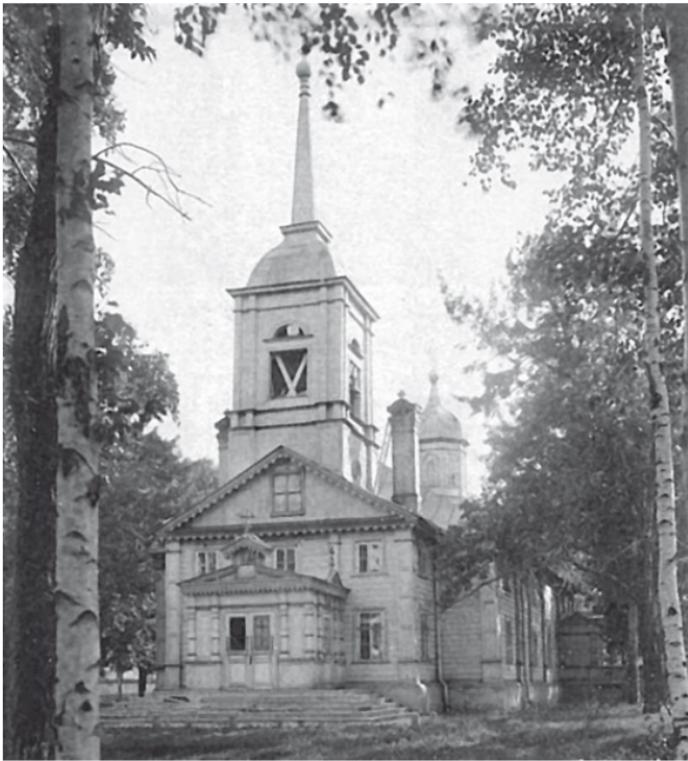
тов, хранящихся в большом порядке. По мере того как их употребляют в дело, комнаты, ими занимаемые, наполняются новыми. Там же живут и работают все принадлежащие к Адмиралтейству мастеровые. Подле здания стоят большие кузницы. В одном из флигелей устроена обширная зала, где рисуют и, если нужно, перерисовывают мелом вид и устройство всех кораблей, назначаемых к стройке. Вне и внутри адмиралтейского здания наложено множество всякого рода корабельного леса; но еще большее его количество лежит в ближайших каналах, откуда его берут по мере надобности. Он пригоняется большими плотами из дальних мест России и обходится царю несравненно дешевле, нежели в других государствах. Все это огромное Адмиралтейство обведено снаружи валом (с бастионами со стороны реки), который окружен довольно широким и глубоким каналом, а с внутренней стороны обрыт небольшим рвом. Близ здания Адмиралтейства по направлению к галерной гавани строится прекрасная каменная церковь, которая будет принадлежать к нему; после крепостной³ церкви она, говорят, будет лучшею в Петербурге, потому что все прочие, исключая церкви князя (Меншикова), плохие, деревянные. Кроме этих двух церквей, т. е. крепостной и адмиралтейской, самые красивые здесь – церковь Св. Троицы и та, которую выстроил князь Меншиков на Васильевском острове, недалеко от своего дома. Последняя каменная, но первая, находящаяся по ту сторону реки,

³ Деревянный Петропавловский собор.

у здания Коллегий, деревянная с широкою открытою колокольнею, на которой много колоколов и небольшие куранты, играющие сами собою через каждую четверть часа «Господи, помилуй». Ее обыкновенно посещает царь во время богослужений. На церкви князя Меншикова, внутри хорошо расписанной и вызолоченной, есть также небольшая красивая башня с порядочными курантами. Крепостная церковь, как я уже сказал, самая большая и красивая в Петербурге; при ней высокая колокольня в новом стиле, крытая медными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при солнечном освещении. Но внутри этот храм еще не совсем отделан. Куранты на его колокольне так же велики и хороши, как амстердамские, и стоили, говорят, 55 000 рублей. На них играют каждое утро от 11 до 12 часов; кроме того, каждые полчаса и час они играют еще сами собою, приводимые в движение большою железною машиною с медным валом. Эта прекрасная церковь построена вся из камня и не в византийском, а в новом вкусе, внутри с крепкими сводами и колоннами, снаружи с великолепным портиком, находящимся под колокольнею. Но кроме сводов, колонн и окон, в ней еще ничего не готово. Осмотрев Адмиралтейство, мы отправились к упомянутому корабельному мастеру и распили у него несколько стаканов шампанского и бургонского. Потом я пошел к посланнику Штамке, у которого вечером назначена была тост-коллегия.

Август

20-го, утром, при дворе была проповедь, а вечером, до поздней ночи, праздновался в длинной галерее день рождения третьей царской принцессы, Наталии. Ей исполнилось в этот день три года. Его королевское высочество с своею свитою, в парадных платьях, нарочно отправился туда немного ранее и нашел уже там большую часть вельмож; только царской фамилии не было еще, но и она скоро съехалась. Так как царь, царица и принцессы приезжали одни за другими, то его высочество всякий раз выходил к ним навстречу и провожал царицу и обеих принцесс от барок до комнат, где происходило празднество и где собралась уже вся здешняя знать обоего пола.

Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы – несуществующий в настоящее время храм, который находился в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове в Галерной гавани

Царь приехал на своей обыкновенной небольшой верейке, или шестивесельной шлюпке. На закрытых барках, какие большею частью употребляются здешними вельможами, он никогда не ездит, какова бы ни была погода. Встреченный его высочеством также у выхода на берег, он взшел на гале-

рею, приветствовал все общество и потом отправился в боковую комнату, где находилось духовенство (всегда принимающее участие во всех торжествах). Сев там за стол, его величество так заговорился с духовными особами, что совсем забыл о других. Его долго ждали, и никто не садился за стол до тех пор, пока он не прислал сказать, чтоб сядились и не ждали его. Царица же, кушавшая в галерее с принцессами и со всеми прочими дамами, села за свой стол уже прежде, тотчас по приезде царя. Его величество пробыл с духовенством довольно долго; но наконец возвратился к вельможам, сел вместе с ними и кушал и пил еще раз с большим аппетитом. После ужина начались танцы; но за множеством гостей и теснотою галереи редко можно было пробраться сквозь толпу и поглядеть на танцевавших. Здесь я в первый раз видел молодого польского графа Сапегу, который приехал в Петербург уже после отъезда царя в Кронслот, однако ж был там и участвовал во всех увеселениях. Этот граф (который моих лет и моего роста, но еще не служит) принадлежит к одной из знатнейших фамилий в Польше, где, говорят, имеет большие поместья. Он сговорен с старшею дочерью князя Меншикова, которой около 10 лет и которая поэтому еще довольно мала, но при всем том очень милая девушка. С ним была большая свита поляков в национальных костюмах; но сам он и его прислуга были одеты по-французски. Я уже в этот раз заметил, что он оделся совершенно по вкусу князя Меншикова: на нем были красный шитый кафтан на зеленой подкладке

и зеленые чулки. Манеры его, впрочем, довольно хороши, и танцует он сносно. Когда стемнело, галерея, где находилось все общество, и длинная аллея, идущая мимо нее до царского сада, а с другой стороны до Почтового дома, были иллюминированы, именно: галерея – изнутри (по окнам) пирамидами, уставленными, впрочем, только сальными свечами, аллея – бесчисленным множеством фонариков, развешанных по деревьям, близко один от другого и в прямой линии, что ее сильно освещало и было очень красиво как вблизи, так и издали. Празднество это, как я уже сказал, продолжалось до поздней ночи, причем больше танцевали, нежели пили.

21-го его высочество с дежурными и некоторыми другими кавалерами ужинал у тайного советника Геспена, где, говорят, был необыкновенно весел. В этот день царь и царица уехали опять в Петергоф и Кронслот, куда за ними последовал и генерал-майор Ягужинский. Его величество с большою поспешностью послал его оттуда в Финляндию с предложением (как полагают здесь за верное) касательно прав нашего герцога на наследование шведского престола. В то же время здесь сильно распространился слух, что царь приказал держать наготове 200 галер для вторичной высадки на берега Швеции и снабдить провиантом на 3 месяца 5 военных кораблей, чтобы в случае неприятия этого пункта можно было принудить к тому силою.

22-го тайный советник Бассевич давал обед иностранным министрам и камер-юнкерам царицы, Монсу и Балку, при

чем много пили.

23-го я ужинал у царского подкухмистра. В этот день не случилось ничего особенного.

24-го, после обеда, его высочество ходил гулять в царский сад, куда только ему со свитою предоставлен свободный вход во всякое время. Там он имел счастье встретить обеих принцесс, с которыми прогуливался, сидел в одной из беседок и разговаривал. Разговор их, впрочем, был невелик, потому что они, как мало друг с другом знакомые, были все еще как-то застенчивы. Потом они еще несколько времени гуляли, и когда начало становиться поздно, его высочество, ходивший постоянно между обеими принцессами, проводил их во дворец. Поцеловав им прекрасные руки, он отправился домой в полном удовольствии от этой приятной и неожиданной встречи.

25-го капитан Курке, который был женат на одной из сестер моего покойного отца, простился со мною и отправился опять в Казань, где стоит его полк. Его присылали сюда на короткое время с казенными деньгами и с какою-то просьбою. Прежде он находился в шведской службе, но потом вместе с многими другими офицерами по необходимости должен был вступить в здешнюю. Родом он, если не ошибаюсь, лифляндец и уже немолод, но человек очень приятный и добрый.

26-го его высочество ездил после обеда к генеральше Балк в карете, в которую в первый раз запрягли шесть больших

лошадей, приведенных недавно из Гамбурга.

27-го, утром, при дворе была проповедь, и так как случился постный день герцога, то не обедали до 5 часов, потому что его высочество хотел кушать не дома.

28-го его высочество обедал у прусского тайного советника Мардефельда, где были также почти все русские министры; но из нашей свиты не было никого, кроме обоих тайных советников и графа Бонде. По случаю тезоименитства младшей принцессы его высочество посылал ко двору полковника Лорха с поздравлением. Так как их величества за несколько дней перед тем уехали в Петергоф, то день этот праздновался в тишине, у принцесс, в обществе придворных дам и немногих кавалеров.

29-го его высочество был после обеда у князя Репнина, приехавшего сюда недавно из Риги. В этот день я с придворным проповедником и с ассессором Сурландом ходил в царскую Кунсткамеру, собранную его величеством царем с большими издержками и заключающую в себе множество замечательных предметов по части естественной истории и других. Там между прочим находится живой человек без половых органов, вместо которых у него род грибообразного нароста, похожего на коровье вымя и имеющего посредине мясистый кусок величиною в талер, откуда постоянно выходит густая моча. К наросту, для сохранения в чистоте белья, привязан пузырь, куда она стекает. Все это до того отвратительно, что многие вовсе не могут видеть бедняка.

Поэтому легко себе представить, каково ему. Впрочем, он свеж и здоров, рубит дрова и исправляет разные другие работы; но жить должен в особой комнате, потому что распространяет от себя невыносимый запах. Человек этот, как говорят, из Сибири, и родители его зажиточные простолюдины. Он охотно дал бы сто рублей и более, чтобы только получить свободу и возвратиться на родину, откуда родственники должны были выслать его вследствие царского указа, повелевающего препровождать в Петербург из всего государства все неестественное и неизвестное в каком бы то ни было роде. Губернаторам предписано точно исполнять его под страхом тяжкого наказания. Вот почему здесь набрано такое множество предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов. Между анатомическими препаратами находятся и собранные в Амстердаме знаменитым доктором Рюйшем (Ruysch), которые царь купил у его наследников за 10 000 рублей. В Кунсткамере расставлено большое количество сосудов, в которых сохраняются в спирту всякого рода звери, птицы, рыбы, змеи и тому подобные, также разные части человеческого тела, целые трупы, уроды, зародыши обоего пола. Далее показываются все артерии и нервы человеческого тела, сделанные из цветного воску. Между многими другими подобными предметами я особенно заметил голову, в которой превосходно сделаны из красного воску все артерии, изображающие сложное устройство мозга, потом – постепенное развитие человеческого за-

родыша от первого зачатия. В сосудах, наполненных спиртом, можно видеть: матку, перед отверстием которой лежит младенец с совершенно образовавшимся головою и лицом, множество младенцев, вырезанных из утробы, с кожей и без кожи, человеческого уroda с одною головою, но двумя лицами, много других уродов с двумя головами, четырьмя руками, четырьмя ногами, многими пальцами и т. д.; постепенное видоизменение лягушек и их зарождение из головастиков; животное *pigritia* (названное так по причине медленности его на ходу – оно может делать не более 20 шагов в день) с короткими ногами и широкою мордою, обросшею волосами*; особенный род лягушек, рождающихся из спины самки, что и видно на одной из них, очень широкой, из которой выходят до 20 детенышей, частью до половины, частью только головою; еще одно большое животное, называемое *philander* (с белою шерстью, похожее на молодую кошку), у которого под брюхом род мешка, куда оно собирает своих детенышей, когда переходит или переплывает с места на место (в этом мешке и было их несколько), и мн. друг. Мы осматривали еще шкаф, наполненный сосудами с *partes genitales feminae* разной величины, и другой – с восковыми изображениями *partium genitalium viri*, из которых можно видеть, что нижняя, мясистая их часть состоит только из нервов; потом видели взрезанную утробу, с большою кишкою внизу и пузырем сверху, где все артерии сделаны из красного воску, и полный *foetus* (зародыш) в его естественном положении. Кро-

ме того, нам показывали свинью с человеческим лицом (обросшим, впрочем, щетиною), которую только недавно привезли сюда из-за Москвы миль за 100. Наконец мы видели нескольких живых мальчиков, имеющих на руках и на ногах только по два пальца, которые похожи на клешни рака, однако ж не мешают им ходить, поднимать и брать деньги, и проч. При Кунсткамере находятся прекрасный мюнц-кабинет и довольно большая библиотека, собранная большею частью в Польше. При ней же помещается особо и библиотека бывшего лейб-медика Арескина, состоящая преимущественно из книг медицинских, физических и философских, но дорогих и редких. Все книги красиво переплетены. Теперешний библиотекарь, Шумахер, послан за границу для покупки разных редкостей. В его отсутствие место его занимает один аптекарь, который заведует Кунсткамерою.

Сентябрь

5-го его королевское высочество не выходил к молитве и приказал не впускать к себе никого, кроме тайных советников. К довершению досады, в полдень на нашем дворе собрались все литаврщики, трубачи, гобоисты и барабанщики находящихся здесь полков и неожиданно приветствовали нас музыкою на заключение мира, что нам было вовсе неприятно, а герцогу стоило только денег. По здешнему старинному обычаю они разделились потом на партии, чтобы быть с своим поздравлением у всех вельмож в одно время. Немно-

го спустя приехали к нам два царских камергера, Пушкин и Нарышкин, для приглашения его высочества от имени царя на празднество по случаю пришедшего в этот день рождения принцессы Елисаветы и, предварительно, на увеселительное катанье по Неве, для чего на канале, перед домом его высочества, тотчас явился торншхоут (очень покойное судно величиною с обыкновенный галиот). Герцог поневоле должен был принять это приглашение. Откушав в своей комнате и дождавшись обыкновенного сигнала – пушечного выстрела с крепости, он сел с нами в торншхоут и отправился на противоположную сторону реки, к дому Четырех Фрегатов, где при подобных катаньях всегда бывает сборное место. Когда мы прибыли туда, его королевское высочество вышел из своего судна и перешел на царицыно, где находился также и царь, который тотчас обнял его высочество и долго говорил ему что-то на ухо. Потом герцог опять пересел на свой торншхоут, и мы с множеством буеров, торншхоутов и яхт начали разъезжать взад и вперед по Неве, при чем все постоянно следовали за адмиралом буеров (который всегда находится впереди и для отличия имеет на своей мачте большой флаг). Как при подобных катаньях, так и при катаньях на барках и верейках никто не имеет права перегонять его; кроме того, когда он поворачивает, все должны также поворачивать; наконец, никто, под штрафом, не может уехать домой, пока он не подаст установленного для того сигнала и не опустит своего флага. Если он своими маленькими пушка-

ми салютует крепость или Адмиралтейство, то и все прочие суда, снабженные пушками, делают, по данному сигналу, то же самое, что в этот раз все и происходило. В продолжение нашей прогулки валторнисты и другие музыканты оглашали воздух веселыми звуками, потому что почти у всех вельмож была с собою музыка. Все это было бы нам очень приятно, если б мы при том могли быть веселыми. Поездив таким образом несколько времени, мы остановились у Почтового дома (где очень часто справляются случающиеся празднества), и их величества с принцессами и его высочество с своею свитою отправились туда. Царь с герцогом и с знатнейшими кавалерами тотчас пошел в большую залу и сел за стол, а царица с дамами поместилась особо в смежной комнате. Его королевское высочество сидел подле царя с правой, а князь Меншиков с левой стороны. На стороне его высочества сидели, возле него – прусский министр Мардефельд, потом – наши министры, на стороне же князя все русские вельможи, как кому пришлось. За этим обедом так называемый князь-папа страшно шумел. Потом он встал, принес трубки и табак и уселся с ними опять за царским столом. В большой зале и в боковых комнатах стояли еще длинные узкие столы, за которыми сидели все гражданские, придворные и военные чины. В другой большой зале царица с принцессами, маленьким великим князем и его сестрою, вдовствующею царицею и ее дочерьми и с знатнейшими дамами кушала за большим овальным столом, превосходно убранном. Все дамы были в

самых парадных платьях. По окончании обеда столы из этой залы были вынесены и царь, взяв его высочество за руку, сам повел его к дамам, где начали танцевать. Царь однако ж тотчас же вернулся к мужчинам и просидел с ними почти все время. Танцы продолжались до 11 часов, после чего его королевское высочество, в одно время с их величествами, отправился домой.

6-го двор наш был немного веселее вчерашнего, потому что царь уверил герцога, что иначе никак не мог заключить мира с Швециею, и в то же время торжественно обещал вполне удовлетворить его королевское высочество и без того не отпускать от себя. Между тем нам стороною дали заметить, что царь вчера остался не совсем доволен нашими печальными лицами. Но могли ли мы быть веселыми? Заговорили также о браке с старшею принцессою, и это нам польстило. Наши тайные советники обедали в этот день у князя Меншикова. После обеда некоторые из нас осматривали большой находившийся в Шлезвиге, глобус, который 8 лет тому назад с согласия епископа-администратора был привезен сюда. Говорят, он был в дороге четыре года. До Ревеля его везли водою, а оттуда в Петербург сухим путем на особо устроенной для того машине, которую тащили люди. Рассказывают также, что не только надобно было расчищать дороги и прорубать леса, потому что иначе его с машиной нельзя было провезти, но что будто при этом даже погибло и много народа. Он стоит на лугу, против дома его королевского высоче-

ства, в нарочно сделанном для него балагане, где, как я слышал, его оставят до окончательной отделки большого здания на Васильевском острове, предназначенного для Кунсткамеры и других редкостей, куда поместят и его. Присмотр за ним до сих пор еще имеет перевозивший его сюда портной, родом саксонец, но долго находившийся в Шлезвиге. Поставленный здесь только на время, он стоит покамест нехорошо: около него нет даже галереи, бывшей при нем в Шлезвиге и представлявшей горизонт; она теперь сохраняется особо. Наружная сторона глобуса, еще несколько не попорченная, сделана из бумаги, наклеенной на медь, искусно разрисованной пером и раскрашенной; во внутренность его ведет дверь, на которой изображен Голштинский герб, и там, в самой середине, находится стол со скамьями вокруг, где нас поместилось 10 человек. Под столом устроен механизм, который сидевший вместе с нами портной привел в движение; после чего как внутренний небесный круг, на котором изображены из меди все звезды сообразно их величине, так и наружный шар начали медленно вертеться над нашими головами около своей оси, сделанной из толстой полированной меди и проходящей сквозь шар и стол, за которым мы сидели. Около этой же оси, посредине стола, устроен еще маленький глобус из полированной меди с искусно награвированным на нем изображением земли. Он остается неподвижным, когда вокруг него обращается большая внутренняя небесная сфера, между тем как стол образует его горизонт. На том же столе

в одно время со всею машиною вертится еще какой-то медный круг, назначение которого мне не могли объяснить. Скамьи вокруг стола с их спинками составляют медный круг с разделением горизонта большой внутренней небесной сферы. На наружной стороне глобуса находится латинская надпись, гласящая, что *illus-trissimus ac celsissimus princeps ac dominus, dux Holsatiae Fredericus* (светлейший герцог Голштинский Фридрих) из любви к наукам математическим приказал в 1654 году начать сооружение этого шара, которое продолжал *ipsius successor, gloriosissimae memoriae, Christ. Albertus* (наследник его, вечнодостоинная памяти Христиан Альберт) и наконец окончен в 1661 году, *sub directione Olearii* (под управлением Олеария), после которого названы также *fabrikator* и *architektor* всей машины, уроженцы города Люттиха, и еще два брата из Гузума, которые как наружный шар, так и внутреннюю небесную сферу разрисовали пером, описали и раскрасили. Когда этот глобус будет перенесен в новый дом, царь намерен привести его опять в движение посредством особенного механизма, чтоб он вертелся без помощи человеческих рук, как прежде в Готторпском саду, где приводился в движение водою. После обеда его высочество ездил к князю Меншикову. Там был также и царь, и они переговорили обо всем нужном для назначенного уже маскарада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.